

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2024.65.84.005

К ПОНЯТИЮ «ВТОРИЧНОЙ СЛОВОФОРМЫ»^{*}

В.А. Плунгян

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН /

Институт языкознания РАН

Аннотация: В статье вводится понятие «вторичная словоформа», определяемое как результат локальной морфологизации нескольких линейно смежных единиц в тексте, приводящей к полной утрате их синтаксической автономности. Такие единицы могут впоследствии подвергаться фузии и другим морфологическим изменениям. Предлагается предварительная классификация типов вторичных словоформ, охватывающая широкий спектр явлений, и обсуждается их значимость для описания языков мира. В заключительном разделе в качестве примера анализируется эволюция форм с начальным *n-* в косвенных падежах русских местоимений третьего лица, демонстрирующая нетривиальную динамику морфологизации в одной специфической конструкции.

Ключевые слова: морфология, словоформа, клитики, морфологизация, фузия, вторичная словоформа

Для цитирования: Плунгян В.А. К понятию «вторичной словоформы» // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Том 7, вып. 2. С. 80–104. doi:10.37632/PI.2024.65.84.005

^{*} Автор приносит благодарность двум анонимным рецензентам статьи за полезные и конструктивные замечания, а также Н.И. Кирееву, Ю.Ю. Макарову, Н.В. Никитину, М.Г. Степанянцу, Д.А. Тверякову, М. Ухлику и К.В. Филатову, с которыми обсуждались основные идеи этой работы на разных этапах ее подготовки. Все недостатки остаются на совести автора.

ON THE NOTION OF “SECONDARY WORDFORM”*

Vladimir Plungian

Vinogradov Russian Language Institute RAS / Institute of Linguistics RAS

Abstract: This article introduces the concept of the “secondary wordform”, defined as the result of local morphologization of multiple linearly adjacent units within a text, leading to a complete loss of their syntactic autonomy. Such units may subsequently undergo fusion and other morphological modifications. I propose a preliminary classification of types of secondary wordforms, covering a wide range of morphological phenomena, and discuss their significance for cross-linguistic descriptive analysis. The concluding section examines the evolution of forms with initial *n-* in the oblique cases of Russian third-person pronouns, illustrating the complex dynamics of morphologization within a specific construction.

Keywords: morphology, wordform, clitics, morphologization, fusion, secondary wordform

For citation: Plungian V. On the notion of “secondary wordform”. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 80–104. (In Rus.). doi:10.37632/PI.2024.65.84.005

1. О термине и явлении

В набор базовых понятий морфологического уровня, используемых для описания языков мира (таких как словоформа, морфема, аффикс, корень и клитика), «вторичная словоформа» обычно не включается (ср., например, номенклатуру, предлагаемую в [Haspelmath 2021, 2023, 2024]). Между тем, этот тип единиц кажется важным: вторичные словоформы присутствуют в большинстве языков и представляют собой один из существенных (хотя и недостаточно учитываемых в типологических работах) элементов текста и источников пополнения словаря.

Сам термин «вторичная словоформа» восходит к работам И.А. Мельчука: он вводится в [Mel’čuk 1993: Ch. IV] и, соответственно, в [Мельчук 1997:

* I would like to thank the two anonymous reviewers for their helpful and constructive comments, as well as Konstantin Filatov, Niyaz Kireyev, Yury Makarov, Nikita Nikitin, Maxim Stepanyants, Dmitry Tveriakov, and Mladen Uhlik, who I discussed the main ideas of this paper with at various stages of its preparation. The usual disclaimers apply.

Гл. IV]¹. В пятитомном «Курсе общей морфологии» этот термин предстает как часть сложной понятийной системы, создание которой и является главной целью этого труда; может быть, в силу этого обстоятельства важность терминологической новации И.А. Мельчука не была в достаточной степени замечена и оценена: для этого данный термин необходимо было извлечь из сложного и объемного целого, отделить от других элементов и отметить его оригинальный характер (при том, что сам И.А. Мельчук, поставивший задачу создания цельного терминологического массива, далеко не всегда отмечает различия между традиционными и хорошо известными терминами и собственными оригинальными идеями — и практически никогда не углубляется в историю вопроса). На наш взгляд, указание И.А. Мельчука на существование таких элементов — бесспорная заслуга «Курса» (независимо от того, как оценивать его замысел в целом); ниже для характеристики соответствующих элементов в языках мира мы будем пользоваться термином именно в той форме, в какой его предложил И.А. Мельчук, хотя интерпретировать его будем несколько иначе, во многом упрощенно по отношению к терминологической системе «Курса общей морфологии». Но вначале кратко поясним, как его понимает И.А. Мельчук и какие явления он имеет в виду.

Начнем с того, что в «Курсе общей морфологии» различаются так называемые «языковые» (они же «первичные») и «речевые» (они же «вторичные») словоформы: вторые, в отличие от первых, не могут быть получены с помощью стандартных словообразовательных или словоизменительных процедур языка, т.е. не являются комбинацией корней и (словообразовательных или словоизменительных) аффиксов. Далее, речевые словоформы могут быть «повышенными» или «пониженными», т.е. образовываться в результате повышения или понижения исходного линейно-синтагматического статуса (в смысле [Плунгян 2009: 32–35]). «Повышение» состоит в

¹ Укажем также на использование термина «вторичная словоформа» в совершенно ином значении у А.А. Зализняка [1967/2002: 133, 276–278]: в его ранней морфологической концепции вторичными словоформами назывались маргинальные элементы словоизменительной парадигмы (типа счетной формы или партитива), выражающие то, что позднее будет названо им слабо дифференцированными или морфологически несамостоятельными граммемами. Как кажется, такое терминологическое употребление не получило большого распространения (в том числе и в более поздних работах самого А.А. Зализняка): данное противопоставление скорее принято описывать в терминах «базовых», с одной стороны, и «слабо дифференцированных», «неполных» [Зализняк 1973/2002] или «экстрапарадигматических» [Плунгян 2021] граммем, с другой стороны.

придании статуса словоформы объекту, в нормальном случае выступающему как (неавтономная) часть словоформы. Иными словами, «повышенными» становятся, например, аффиксы, употребляемые в качестве автономных словоформ, как в (1)².

(1) *In sum, thanks to everyone, mentioned and un, for all of your support over the years!*

Напротив, результатом «понижения» оказываются такие сочетания словоформ, в которых все словоформы, входящие в их состав, утрачивают исходную автономность. Примером таких явлений могут служить русские единицы типа *слева, шестьсот, в общем, потому что* или *вряд ли*, восходящие к морфологизовавшимся³ сочетаниям падежных форм существительных и клитик: исходно автономные единицы (например, *ряд*) в их составе оказываются, согласно И.А. Мельчуку, «пониженными» т.е. лишенными автономности (доказательство этого тезиса мы здесь опускаем). Как можно видеть, в письменном тексте вторичные словоформы могут содержать в своем составе пробел, но такое оформление является орфографической условностью и не отражает реального линейно-синтагматического статуса их частей.

Ниже под «вторичными словоформами» мы будем понимать только случаи последнего типа, т.е. сочетания из единиц с «пониженным» (по И.А. Мельчуку) статусом, не апеллируя тем самым ни к предложенному

² В других теоретических концепциях такое явление называется *clipping* или *debonding* (см. например [Norde 2009]). Заметим, что интерпретация статуса элемента *un* — конкретно в примере (1) может быть и иной: альтернативным анализом может быть выделение особого типа нулевого корня — а именно, полученного в результате морфологического эллипсиса. В этом случае исходный статус префикса за элементом *un* сохраняется, но для этого необходимо допустить существование эллипсиса частей словоформы (а не словоформ в целом). Для многих современных теорий языка такое допущение менее приемлемо, чем существование аффиксов, функционирующих как автономные словоформы; тем не менее примеры типа *кино-* и *фотосъёмка* или *до-* и *переписать*, как кажется, лучше описываются понятием морфологического эллипсиса, чем повышения. С другой стороны, контексты типа *Около него уже образовался небольшой кружок новаторов, презиравших всякие «измы», направления и школы* [А.И. Куприн] действительно иллюстрируют скорее случаи повышения аффикса до статуса словоформы (подробнее см. [Плунгян 2009: 88–91]).

³ Здесь и далее под морфологизацией мы понимаем приобретение произвольной единицей статуса связанной морфемы, лишенной каких-либо проявлений автономности, свойственных клитикам и акцентно самостоятельным словоформам (т.е., в числе прочего, отделимости и переместимости).

им различению «языковых» и «речевых» словоформ, ни к единому большому и разнородному классу «речевых» словоформ, полученных путем как «повышения», так и «понижения». В любом случае анализ и критика терминологических предложений И.А. Мельчука не входит в нашу задачу, и мы лишь позволим себе воспользоваться одним из его терминов в более узком, чем у автора, значении. При этом следует отдать должное интуиции И.А. Мельчука, справедливо указавшего на то, что словоформа в общем случае — это далеко не только комбинация корня и аффиксов, присоединяемых к нему по некоторым правилам (понимания этого обстоятельства, как кажется, нет в большинстве современных попыток создания типологически ориентированного инвентаря «универсальных» морфологических элементов). Между тем вторичные словоформы в таком понимании — т.е., в первом приближении, словоформы, образованные путем морфологизации сочетания нескольких контекстно смежных (контактных) морфологических единиц (в их число могут входить как акцентно самостоятельные словоформы, так и клитики) — достаточно многочисленны, разнообразны и присутствуют едва ли не во всех языках, в которых морфологический уровень играет заметную роль.

При этом И.А. Мельчук — конечно, далеко не первый лингвист, обращающий внимание на такие случаи; как кажется, они известны и обсуждались в литературе по крайней мере с середины XIX века, но в целом обычно оставались на периферии морфологических рассуждений и были недостаточно интегрированы в общие теории структуры слова. Этому способствовало то обстоятельство, что все вторичные словоформы по определению нерегулярны: это не результат действия каких-либо общих «правил» грамматической системы, а скорее результат локальной морфологизации некоторых частотных сочетаний (как кажется, именно высокая частота совместной встречаемости является наиболее существенным триггером этого процесса; ср. обсуждение роли частотности в языковых изменениях в общем виде в [Bybee 2007] и применительно к морфосинтаксическим явлениям — например, в [Arnon, Snider 2010]). Образование вторичной словоформы — всегда индивидуальное явление; оно происходит с элементами конкретных последовательностей единиц в конкретных контекстах и не опирается на свойства классов единиц, как это необходимо для стандартного грамматического правила. Лингвистика XX века (в целом мыслившая себя как лингвистика «правил» и «обобщений») была в основном устроена так, что на подобные «локальные» явления обращать

внимание было не принято: они считались как бы не существующими в рациональном мире теорий языка этого периода — и тем самым не существующими и в «языке» как в системе; в лучшем случае они описывались в словаре как индивидуальные свойства лексем. В этом смысле не случаен ярлык «речевые», который применяет И.А. Мельчук (ср. также утверждение в [Lehmann 2020: 210], что процесс образования таких единиц “*happens in speech (parole) rather than in the linguistic system (langue)*”; к важной для нашего предмета концепции Кристиана Лемана мы еще вернемся ниже). Сегодня это следование сосюрским дихотомиям представляется слишком ригористическим (и даже отчасти схоластическим). Не углубляясь в эту тему, заметим лишь, что, с нашей точки зрения, не стоит ставить знак равенства между «несистемным» и «неязыковым», поспешно объявляя всё то, что не находит места в рамках регулярной системы, принадлежащим не «языку», а «речи». Кроме того, нельзя не заметить, что в языке первичные и вторичные словоформы переплетены гораздо теснее, чем кажется: сочетания первичных словоформ образуют вторичные, а те, в свою очередь, могут начать использоваться как словообразовательная основа для производства новых первичных словоформ с помощью средств регулярной аффиксации, ср. русские производные слова типа *изрядный* или *подстаканник*, структурно не отличающиеся, например, от *нарядный* или *подкладка*, но имеющие в качестве основы морфологизованные сочетания предлога и существительного. Еще ярче это явление представлено в языках с более проницаемой границей между морфологией и синтаксисом (наподобие английского), где вполне обычными являются, например, единицы вида *I don't care-ness*, где регулярный словообразовательный или словоизменительный аффикс может свободно оформлять результат морфологизации целого словосочетания, т.е. вторичную словоформу.

В работах авторов XIX и XX вв., обращавших внимание на вторичные словоформы, для описания этих единиц (или каких-то их подклассов, или сходных с ними объектов) использовались разные термины — например, «синтаксические агломераты» (Ю.Д. Апресян и Л.Л. Йомдин)⁴ или «син-

⁴ «Сочетание слов, лишенное внутренней синтаксической структуры, но всегда произносимое как единое целое (с акцентно выделенным ядром и примыкающими к нему клитичными или полуклитичными элементами), мы предлагаем называть синтаксическим агломератом» [Апресян, Йомдин 1989/2010: 73]; «Введение понятия синтаксического агломерата как раз и является средством фиксации начальной фазы превращения сочетания слов в слово» [ibidem: 74]. Как можно видеть, у Ю.Д. Апресяна и Л.Л. Йомдина

таксические амальгамы» (Дж. Лакофф). Но наиболее известными терминами в этом ряду, пожалуй, являются два: «сращение» и «универбация».

Уже в середине XIX века в немецкоязычной традиции для обозначения интересующих нас явлений был употребителен термин *Zusammenrückung* (букв. ‘сжатие, уплотнение’; в русском переводе ему точнее всего соответствует «сращение», который обычно и используется в современной русистике, включая академические грамматики; наиболее распространенным английским эквивалентом этого термина считается *juxtaposition*). Применительно к славянскому материалу наиболее подробно типология таких единиц была разработана в известной «Сравнительной грамматике славянских языков» Франца Миклошича; во втором томе этого труда, озаглавленного «Основообразование» (1 изд. 1868, 2 изд. 1875) приводится богатый и разнообразный инвентарь единиц из разных славянских языков, в основном подпадающих под критерии вторичных словоформ [Miklosich 1875: 347–377]⁵. Хотя Миклошич не всегда различал синхронно и этимологически членимые «сращения», его бесспорной заслугой является то, что он указал на важное место слов этого класса в славянской лексике.

понятие синтаксического агломерата фактически применяется к словоформам (в другом месте той же работы они прямо называются «монолитными лексическими единицами», с. 131), хотя и определяется как «сочетание слов». Некоторая противоречивость такого подхода проявляется и в утверждении, что «<агломераты> *некого, нечего, негде, некуда, неоткуда, незачем* внешне маскируются под слова, а на деле не являются даже словосочетаниями с внутренне замкнутой синтаксической структурой» [ibidem: 113]: идет ли все-таки речь о словах или о единицах, которые «маскируются под слова»? В предлагаемой нами системе понятий эти единицы бесспорно являются словами (т.е. словоформами) — но принадлежат к особому классу словоформ, а именно, вторичных.

⁵ Миклошич считает сращения частным случаем композитов (*Zusammensetzung*): под композитами он понимает любое слово, «состоящее из нескольких слов или основ», а сращением он называет такую разновидность композита, которая «состоит из самостоятельных слов». В дальнейшем он выделяет несколько разновидностей сращений, не все из которых целесообразно считать вторичными словоформами в нашем смысле, однако многие из них безусловно относятся к этому типу — отметим в особенности (i) композиты вида *Белгород* или *жар-птица*, (ii) сложные числительные вида *двенадцать* или *шестьдесят* (об их акцентных и морфологических свойствах в славянских языках см. [Зализняк 2010]), (iii) клитические комплексы вида *даже, уже, ибо, неужели; чтобы, якобы* и др. (ср. используемый в [Зализняк 2008: 72–73] термин «проклитико-энклитические сращения»); о важности этого класса единиц для славянских языков см. также [Николаева 2008]). Наконец, нельзя не оценить проницательное указание Миклошича на то, что «сращением» является по происхождению и славянская членная форма прилагательного (“<...> die nichts anderes ist als eine Verbindung des Adjektivs <...> mit dem als Artikel fungierenden *ъ* im betreffenden Kasus <...>” [ibidem: 377]; современное исследование этих образований см. в [Wandl 2022]).

В начале XX века в немецкоязычной традиции в том же значении появляется и термин *Univerbierung* (Кр. Леман отмечает, что первым его употребил Карл Бругман), позднее распространившийся и в других европейских языках. Правда, этот термин развил конкурирующее значение (возможно, сегодня даже более распространенное, по крайней мере в русистике и славистике): универбацией называют словообразовательный механизм, создающий однословные эквиваленты словосочетания (типа русск. *открытка* или *сгущёнка*), и такое понимание, например, преобладает в современных работах по русскому словообразованию (хотя русисты используют для этого и другие термины, например, «стяженная номинация», «компрессия» и др.). Единицы-«универбаты» типа *открытка*, безусловно, не являются вторичными словоформами — с точки зрения морфологии это обычные суффиксальные производные, нестандартной оказывается лишь их словообразовательная семантика. В целом, однако, в современных морфологических теориях термин *univerbation* (и его эквиваленты в других языках) все-таки применяется для описания процесса образования вторичных словоформ; как кажется, наиболее подробно история этого понятия, от Бругмана до работ последних лет, прослежена в статье [Lehmann 2020]. Определение Лемана (“Univerbation is the union of two syntagmatically adjacent word forms into one. It may be formalized as the downgrading of a syntactic to a morphological boundary” [ibidem: 206]) достаточно точно характеризует этот класс единиц; заметим, что Леман, как и Мельчук (хотя и без ссылок на его работы), рассуждает в терминах «понижения» линейно-синтагматического статуса. В центральных разделах статьи Лемана предпринимается попытка выделения различных типов «универбатов» (на синхронных и диахронических основаниях). Ниже мы предложим несколько модифицированную классификацию этих типов, отчасти учитывая предложения Лемана, отчасти опираясь на другие критерии.

Заметим, что Леман использует в основном материал романских и германских языков; о попытках анализа славянского материала говорилось выше. Между тем, вторичные словоформы — по-видимому, универсальное явление, и при этом отнюдь не маргинальное: их доля остается значительной в лексиконе практически любых языков, как с развитой аффиксальной морфологией (т.е. с большим количеством первичных словоформ), так и, что важно, и тех языков, где аффиксальная морфология отсутствует или не развита: в языках такого типа вторичные словоформы становятся слабо отличимы от обычных композитов и так или иначе ока-

зываются одним из важнейших классов производных лексем. Однако всесторонний типологический анализ вторичных словоформ в языках мира остается задачей для будущих исследований, мы же ниже в основном ограничимся примерами из хорошо известных языков. В русском языке, в частности, вторичных словоформ разного типа очень много, и их состав постоянно пополняется (подробнее об этом — в следующем разделе).

2. К классификации вторичных словоформ

Итак, как уже было сказано, вторичные словоформы являются морфологически неэлементарными образованиями, но, в отличие от основной массы морфологически неэлементарных словоформ, они не представляют собой сочетания одного или нескольких корней и аффиксов, полученных по правилам словообразования или словоизменения, т.е. не являются «производными» (в смысле «derived»). Вторичные словоформы характеризуются прежде всего тем, что диахронически восходят к сочетанию уже существующих в языке словоформ. При этом процесс образования вторичных словоформ — не аффиксация или словосложение, а, так сказать, «локальная морфологизация синтаксиса», т.е. превращение в минимальную автономную единицу исходного сочетания нескольких автономных словоформ (или словоформ и клитик). Все эти элементы в составе вторичной словоформы утрачивают изначально присущую им автономность (в том числе и частичную автономность, если речь идет о клитиках). Как почти всё в морфологии (да и в языке в целом), эта утрата — градуальное явление, отражающее разные этапы диахронического процесса морфологизации. Классификацию вторичных словоформ наиболее целесообразно строить с учетом степени морфологизации их составных элементов⁶ (как отчасти поступает и Леман). С точки зрения степени морфологизации «гранул»

⁶ Заметим, что с составными элементами вторичных словоформ связана серьезная терминологическая проблема: в арсенале общей морфологии нет удобных наименований для этих единиц. Действительно, как назвать части вторичных словоформ типа *сбоку*? Элемент *с-* очевидным образом нельзя объявить приставкой, тем более элемент *-у* — суффиксом. Диахронически — это самостоятельные единицы (словоформы, клитики, морфемы в составе словоформ), но каким термином обозначить их синхронно? Хороших решений этой проблемы нам не известно; ниже мы в порядке терминологического эксперимента предлагаем называть их (морфологическими) *гранулами*. Гранула — это любая морфема в составе вторичной словоформы, противопоставляемая аффиксам и корням первичных словоформ.

вторичных словоформ можно выделить по крайней мере три различных класса единиц; ниже мы будем называть их «агломераты», «амальгамы» и «фоссилии».

2.1. Агломераты

Наименее морфологизованным типом вторичных словоформ являются единицы, внешне неотличимые от сочетаний слов — однако эти «застывшие» сочетания на самом деле уже представляют собой единый просодический и морфологический комплекс⁷, элементы которого утратили синтаксическую самостоятельность и подвижность (а сам комплекс в семантическом отношении, как правило, приобрел идиоматичность). «Синтаксические агломераты» Ю.Д. Апресяна и Л.Л. Иомдина в основном (хотя и не целиком, см. ниже) принадлежат к этому типу, поэтому предложенный ими термин как раз для описания этого подкласса вторичных словоформ оказывается наиболее уместен. Помимо утраты автономности «гранулы» агломератов не затронуты никакими другими морфологическими процессами — и это отличает их от вторичных словоформ следующего класса (амальгам).

В русском языке класс агломератов очень велик и включает разнообразные структурные типы. К ним относятся по крайней мере следующие единицы:

(1) Сочетания предлогов с энклиноменами типа *zá = руку* или *пó = трое*: это хорошо известное в русской морфо(но)логии явление (о его происхождении и исторической эволюции см. [Зализняк 1985/2010: 283–285, Зализняк 1989/2010]), однако в описаниях современной русской морфологии не всегда отчетливо осознается, что подобные единицы являются в морфологическом отношении едиными словоформами. Действительно,

⁷ Ср. термин «просодический комплекс», используемый А.А. Зализняком для описания «универбации» (последний термин он использует со ссылкой на Х. Станга) двух тактовых групп, в результате которой новые единицы возникают «из словосочетаний путем одного лишь акцентного объединения, без замены целых словоформ их основами» [Зализняк 2010: 817]. Просодические комплексы типа *не́ у кого* А.А. Зализняк относит не к словам, а к словосочетаниям, однако в нашей системе понятий они тоже являются вторичными словоформами, в составе которых предлог теряет отделимость и превращается в «гранулу». Тем самым, мы не признаем существования такого парадоксального явления, как «разрывные словоформы» типа *друг у друга* или *ни с кем* (выделяемые в [Зализняк 1967/2002: 53] вслед за подходом традиционной русистики): в рамках предлагаемой здесь терминологии и единицы типа *друг друга*, и единицы типа *друг у друга* — это всё вторичные словоформы-агломераты. О сочетаниях предлогов с местоимениями см. также ниже.

критерий отделимости, диагностирующий проклитический статус предлога, здесь не работает — при отделении от существительного ударного предлога этот последний перестает быть акцентоносителем (ср. *за = лѣвую рѹку*). Ударный предлог, тем самым, свойством отделимости не обладает. Морфологически слитный статус сочетаний предлогов с энклиноменами хорошо коррелирует с их семантикой: как правило, в таких случаях перед нами не обычные сочетания предлога и существительного, а адвербиальные выражения, где существительное употреблено нереперентно: так, в классическом литературном языке XIX–XX вв. *пóд гору* — это примерно то же, что *вниз*⁸ (кстати, еще одна вторичная словоформа), *зá морем* в первом приближении означает просто ‘очень далеко’, и т.п. В сочетаниях с числительными предлоги фактически формируют новые морфологические ряды числительных: предлог *по* — дистрибутивные, предлог *на* — разделительные, и т.п.⁹

(2) Редуцированные выражения с простым (*быстро-быстро, сидите-сидите*) или модифицированным (*темным-темно, штучки-дрючки*) удвоением словоформы. Удвоению соответствует особая семантика (чаще всего, интенсивности, но также, например, ассоциативной множественности или, как в случае с удвоенным императивом, континуативности). По всем критериям, данные сочетания являются «слитными» образованиями, т.е. одним словом, а не двумя¹⁰ (так, в выражении *тушат-тушат* — *не потушат* представлено всего две словоформы); вообще, удвоенные словоформы являются одним из самых распространенных в языках мира типов вторичных словоформ.

⁸ В современном разговорном языке оно может получать противоположное значение ‘вверх’ (вытесняя классическое литературное *в гору*); впрочем, его адвербиальный характер сохраняется в любом случае.

⁹ Обычно в числе сочетаний с энклиноменами рассматривают также глагольные комплексы с *не* или *ни* типа *нѣ=пил*; однако современные русские отрицательные частицы, не обладая отделимостью (в силу строго контактной сферы действия), являются, в отличие от предлогов, не клитиками, а формантами [Плунгян 2009: 33–34]. Тем самым, они входят в состав словоформы в любом случае: изменение места ударения внутри отрицательных форм глаголов не меняет их линейно-синтагматический статус.

¹⁰ Один из рецензентов настоящей статьи заметил, что включение редуцированных выражений типа *тихий-тихий* в число словоформ может привести к тому, что «придется ввести правила склонения внутри словоформ». Такие правила, однако, действуют в любом случае — «внутреннее словоизменение» [Плунгян 2009: 24–25] (затрагивающее самые разные граммемы) свойственно многим типам вторичных словоформ в языках мира, и далеко не только редуцированным: ср. русск. *шестьдесят* ~ *шестидесяти* (внутренний падеж) или франц. *madame* ~ *mesdames* (внутреннее число).

(3) Многочисленные составные союзы, предлоги и наречия, образованные преимущественно из сочетаний предлогов с местоимениями: *из-за, зачем, затем, потом, отсюда, оттого, поэтому, почему, потому, потому что, так как, также, так сказать, тем самым, то есть, поскольку, докуда*, и т.п. Как можно видеть, здесь орфографическая практика также далеко не всегда отражает слитный статус этих образований. Большое количество и разнообразие таких единиц не случайно: местоимения (особенно указательные и вопросительные) — вообще один из самых продуктивных источников для образования вторичных словоформ. Большинство таких образований в высокой степени идиоматично и стремится к опрощению (тем самым попадая в класс фоссилий, о котором см. ниже), однако в приведенных примерах морфемное членение еще в той или иной степени сохраняется.

(4) Производные наречия и предлоги (этимологически — предложно-именные сочетания) типа *слева, наверх, впереди, заново, добела, сгоряча, по новой, в общем, в обнимку, по-хорошему, вокруг* и т.п. Это один из самых обширных классов вторичных словоформ в русском языке (который продолжает активно пополняться, что отмечалось во многих современных работах и фиксировалось в специальных словарях — здесь мы не имеем возможности привести подробный обзор соответствующей литературы); базой для него служат как существительные, так и прилагательные (в том числе краткие: наречные вторичные словоформы с их участием — самое массовое отражение того этапа в истории языка, когда они еще изменялись по падежам). Орфографические проблемы записи этого класса слов также хорошо известны — это один из самых непоследовательных разделов русской орфографии: ср. написания вида *под стать* и *подчас, с ходу и сплеча* (но *по плечу*), *вполцены* и *за полцены*, и т.п. Такая непоследовательность отражает интенсивность диахронических процессов морфологизации в этой зоне, от которых орфографическая кодификация неизбежно отстает.

Разумеется, агломераты в избытке представлены и во многих других языках: в массовом количестве они имеются в английском (где к ним, в числе прочего, относятся практически все композиты вида *blackbird* или *firewall*, многочисленные предложно-именные образования вида *afternoon, tonight, online* и т.п.); разнообразные примеры из других европейских и неевропейских языков рассматриваются в статье [Lehmann 2020] (где этот тип вторичных словоформ приблизительно соответствует тому, что Леман называет *phrasal univerbation*).

2.2. Амальгамы

В отличие от агломератов, амальгамы представляют собой такой тип вторичных словоформ, в которых отдельные входящие в их состав «гранулы», продолжая отождествляться как отдельные морфемы, претерпели более или менее значительные фонологические изменения — по аналогии с процессами, затрагивающими преобразования на морфемных границах корней и аффиксов первичных словоформ, здесь можно говорить о фузии. Таким образом, амальгамы отражают более продвинутую степень морфологизации синтаксических структур, чем «агглютинативные» агломераты. Именно к амальгамам логично отнести русские единицы типа *негде* (в работе [Апресян, Иомдин 1989/2010] эти два типа образований не различаются, поэтому термин «синтаксический агломерат» авторами применяется и к ним тоже; подробнее об этих единицах, в том числе в диахроническом аспекте, см. [Zimmerling 2024] и указанную там литературу).

Хорошо известными примерами амальгам являются сочетания предлогов с артиклями (или с местоимениями) в романских и германских языках. В большинстве случаев эти формы обнаруживают нерегулярную, но частичную фузию, так что фонологические фрагменты, соответствующие артиклю и предлогу, всё-таки выделяются. Таковы итальянские *nel* (< *in + il*), *nello* (< *in + lo*), *del* (< *di + il*), *dello* (< *di + lo*), *sul* (< *su + il*) и т.п., немецкие *im* (< *in + dem*), *am* (< *an + dem*), *zur* (< *zu + der*) и т.п. (немецкие формы, в отличие от итальянских, допускают и неслитное употребление, иногда с тонкой семантической разницей). Не менее известны «местоименные предлоги» островных кельтских языков, т.е. амальгамы предлогов и личных местоимений: ср. ирландские предлоги *ag* 'у' и *ar* 'на' в сочетании с местоимениями *mé* 'я', *tú* 'ты' и *é* 'он' соответственно: *agam*, *agat*, *aige*; *orm*, *ort*, *air*. Английский язык, в свою очередь, богат амальгамами личных местоимений и вспомогательных глаголов типа *I'm* или *you're*¹¹. В античной

¹¹ Вторичные словоформы такого типа ярко иллюстрируют тот тезис, что морфологизация не обязательно происходит внутри какой-либо «замкнутой» синтаксической группы — для этого достаточно просто частотного линейного контакта: элементы, ставшие «гранулами» вторичной словоформы, во многих случаях, как это сформулировали Ю.Д. Апресян и Л.Л. Иомдин, «на деле не являются даже словосочетаниями». Тем не менее, примеры образования амальгам из субъектных местоимений и (энклитических) вспомогательных глаголов типологически частотны; при дальнейшей морфологизации и полной потере членимости из таких единиц могут развиваться так называемые «местоименные серии» предикативных показателей (типичные, например, для языков Западной Африки), кумулятивно выражающие лицо/число субъекта и разные видовременные значения глагола.

грамматической традиции для определенного типа фузии внутри амальгам (связанной с преобразованием гласных на морфемных стыках) имелся даже специальный термин — *красис* (от греч. ‘смешение’); примером вторичных словоформ, образованных в результате красиса, могут служить, например, сочетания сочинительного союза с формами личных местоимений в древнегреческом вида $\kappa\alpha\iota\ \epsilon\gamma\omega$ (< $\kappa\alpha\iota\ \epsilon\gamma\omega$) ‘и я; я тоже’.

В ряде случаев мы находим примеры не частичной, а полной фузии («сильной мегаморфы», по И.А. Мельчуку), когда в плане выражения амальгама утрачивает членимость, сохраняя ее лишь на уровне плана содержания. Такие «сильные амальгамы» особенно характерны для французского языка: к их числу относятся не только сочетания предлогов с артиклем типа *au* (< $\grave{a} + le$), *aux* (< $\grave{a} + les$) или *du* (< $de + le$), но и полностью нечленимые супплетивные формы, выражающие сочетание пространственных предлогов \grave{a} и *de* с указательным местоимением: соответственно, *у* (\approx ‘в это; туда’ или ‘в этом; там’) и *en* (\approx ‘из этого, от этого; оттуда’); сочетание того же предлога *de* и относительного местоимения *qui* ‘кто, который’ передается супплетивной амальгамой *dont* (\approx ‘которого, у/от которого’; < поздн. лат. *de unde*).

2.3. Фоссилии

Наконец, несколько экзотическим термином «фоссилии» (привычным, впрочем, для палеонтологов) мы хотели бы обозначить результат последней стадии морфологизации вторичных словоформ, когда они утрачивают членимость в плане содержания и становятся, вообще говоря, внешне неотличимы от производных словоформ. Про первичные словоформы в таких случаях говорят, что они подвергаются опрощению — но и вторичные словоформы могут точно также проходить эту стадию. Утратившие семантическую членимость вторичные словоформы могут сохранять элементарную морфемную структуру с отдельными выделяемыми гранулами (для первичных словоформ такая членимость обычно называется субморфной) — но могут и не сохранять ее, если к началу процесса опрощения они уже были сильными амальгамами. В любом случае производную природу этих единиц можно установить только в результате диахронического этимологического анализа; синхронно они должны рассматриваться как производные.

Опростившихся вторичных словоформ в языках мира тоже много (но, возможно, их истинное число было бы много бóльшим, если бы этимоло-

гия языков, не обладающих письменной историей, была нам известна лучше). Характерные примеры из русского языка — *спасибо*, *будто*, *нету*, *вряд ли* или *доколе*; то, что их происхождение связано с контактной морфологизацией, еще достаточно очевидно, но их внутренняя структура уже непрозрачна — прежде всего вследствие идиоматизации. Фактически, это непроемные единицы словаря. Заметим, что к этому классу относится и большинство «проклитико-энклитических сращений» славянских языков типа *даже* (см. сноску 5), за исключением более поздних, таких как *чтобы*, где семантическая членность сохраняется. Известным примером опростившейся вторичной словоформы является французский комитативный предлог *avec* (<лат. *apud hoc*, первоначально сочетание пространственного предлога с указательным местоимением).

В предшествующих классификациях (от Миклошича до Лемана) синхронная и диахроническая членность не всегда строго противопоставляется (впрочем это и не всегда легко сделать); вместе с тем, отделение опростившихся вторичных словоформ от агломератов и амальгам, хотя бы отчасти сохраняющих членность, полезно как в дескриптивном, так и в теоретическом отношении — хотя образуются они по одним и тем же принципам.

3. Особый случай: русские *н*-местоимения

В заключение рассмотрим одну специфическую группу слов русского языка, нетривиальных как с точки зрения синхронного, так и диахронического анализа. Понятие вторичной словоформы к этому сложному материалу до сих пор не применялось, и мы попробуем показать, как оно может работать при разных интерпретациях фактов.

Речь идет об особых формах косвенных падежей у местоимений 3-го лица (*он*, *она*, *оно*, *они*) с так называемым «протетическим» *н*- (ср. *ими* и *ними*, *её* и *неё*, и т.п.); ниже мы будем условно называть их назальными формами (этимологически начальное *н*- является, как известно, не фонетической протезой, а результатом переразложения ряда древних пространственных предлогов с назальной финалью, как **вън* и др., ср. [Hill 1977]). Назальные формы, в первом приближении, употребляются после (большинства) непроемных предлогов и в некоторых других случаях (о них ниже): так, в литературном языке нормативной является беспредложная форма *ими* (*доволен ими*), но *ними* после базовых предлогов (*с ними*,

под ними, за ними и т.п.); естественным образом, в предложном падеже существуют только алломорфы с начальным *н-*: *нём, ней* и *них*, соответственно. Как правило, по этой причине назальные формы в грамматиках называются «припредложными». Подробнее о правилах употребления этих форм и их грамматическом статусе в рамках русской падежной системы см. [Зализняк 1967/2002: 52–55, Булыгина 1977: 197–198] (где предлагается отличная от принятой А.А. Зализняком трактовка), [Иткин 2007] и др.; здесь мы не будем углубляться в эти детали. Отметим также целый ряд специальных исследований назальных форм, включающие исторический, сравнительный и корпусный материал: обстоятельную дескриптивную монографию [Hill 1977], статьи [Еськова 1989/2011] и особенно [Daniel 2015] (в последней содержится ряд важных для нас обобщений и диахронических наблюдений) и, наконец, диссертацию [Philippova 2018], хотя и выполненную в рамках формально-синтаксического подхода, но аккумулировавшую обширный материал русского и других славянских языков¹².

Как можно видеть, вниманием славистов назальные формы не обделены. Тем не менее, в отличие от истории, синхронной грамматической интерпретации и правил употребления этих форм, их линейно-синтагматический статус в предложных сочетаниях обсуждался в литературе гораздо меньше. Между тем вопрос об отделимости предлога от местоимения для нашей проблематики очень существен: в случае отделимости перед нами обычная предложная клитическая группа, в случае отсутствия таковой — еще один своеобразный тип вторичной словоформы. Местоимения, как мы уже знаем, часто оказываются компонентами вторичных словоформ, но в русском языке в других случаях формы косвенных

¹² Судьба назальных форм в разных славянских языках различна. Так, они полностью отсутствуют в белорусском и в большей части русских диалектов (в русском литературном языке их неупотребление является распространенным маркером просторечия, ср.: *Но учти, что Фишер очень ярок, — даже спит с доскою — сила в ём* [В. Высоцкий. *Честь шахматной короны* (1972)]). Напротив, во всех южнославянских языках у акцентно самостоятельных местоимений варьирование полностью устранено в пользу назальных форм, ср. эквивалент русского *я вижу его и её* в сербском, словенском и болгарском соответственно: *видим њега и њу, vidim njega in njo, виждам него и неа*. Ситуация в украинском и в западнославянских языках в целом сходна с литературным русским (но в польском алломорфическое варьирование отсутствует не только в предложном, но и в творительном падеже, где обобщились назальные формы типа *nim*). При этом в современном словенском сохраняются настоящие вторичные словоформы-амальгамы типа *panj* ‘на него’ (сходные примеры имеются в старославянском).

падежей местоимений всё же обладают в предложных конструкциях слабой отделимостью, ср., например, *с этими ~ с одними этими*¹³ (где рестриktivное *один* оказывается одной из немногих автономных единиц, способных разделять предлог и местоимение — ту же роль могут еще выполнять *оба, весь/все* и *сам*, наиболее подробно рассмотренные в [Hill 1977]). Однако назальные формы к употреблению в контекстах с такими разделителями не склонны: допустимым вариантом фактически является только модель *с ними одними*, где контакт предлога с местоимением сохраняется; все остальные модели находятся на грани (и даже за гранью) приемлемости, ср. равно избегаемые *?с одними ними* и *?с одними ими*.

Эти простые аргументы как будто бы свидетельствуют в пользу того, что сочетания предлогов с назальными формами местоимений следует трактовать как локально морфологизованные, т.е. как вторичную словоформу-агломерат: их компоненты не обладают отделимостью, и при попытке отделить местоимение от предлога употребление начального *н-* становится невозможным. (Такая ситуация отчасти напоминает сочетания предлогов с энклиноменами, которые «разрушаются» при устранении контакта существительного и предлога.) На первый взгляд, и корпусные данные это наблюдение подтверждают: так например, в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (по состоянию на февраль 2025 года) сочетание *с ним одним* встретилось более 120 раз, *с одним им* — только 2 раза (оба примера относятся к XIX веку), а сочетание *с одним ним* не встретилось ни разу. Подтверждение того, что употребление назальных форм строго коррелирует с контактной позицией предлога и местоимения, мы находим и в очень показательных примерах типа (2–3), где нарушение линейного контакта непосредственно в том же фрагменте текста вызывает утрату начального *н-*:

- (2) *Какова бы ни была наша литература, во всяком случае, её значение для нас гораздо важнее, нежели как может оно казаться; в ней, в одной ей, вся наша умственная жизнь и вся поэзия нашей жизни.* [Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы (1856)]

¹³ Ср.: Знайте, сударыня, знайте, что я бы мог, что я бы сумел справиться с этим местом, и не то что с **одним этим** местом, а с десятью такими местами, потому что имею способности <...>. [Ф.М. Достоевский. Бесы (1871–1872)].

- (3) *Я не говорю того, что я не верю в святость и непогрешимость церкви. Я даже в то время, как начал это исследование, вполне верил в нее, в одну ее (казалось мне, что верил).* [Л. Н. Толстой. Исследование догматического богословия (1880)]

Так же точно, в корпусе практически не встречаются примеры местоименных сочиненных групп, где предлог опускается при втором компоненте: в частности, для предлога с возможны только контексты вида *с ней и с ним*, но не **с ней и им / *с ней и ним*.

Тем не менее в корпусе имеются и примеры другого рода (на что обращается внимание уже в [Hill 1977]). Они становятся относительно частотнее и заметнее приблизительно со второй половины XX в. (а первые такие случаи появляются уже в последней трети XIX в.): это контексты, в которых утрата непосредственного контакта с предлогом не вызывает исчезновения начального *н-*, ср. (4)–(5) с разделителем *один*:

- (4) *Думалось: на одном нем держится наше дело...* [Г. Радов. Кузьма-укрепитель // «Огонек». № 5, 1956] — здесь по нормам XIX века ожидалось бы *на нём одном*; в предложном падеже неназальная форма, как известно, невозможна
- (5) *У одного него вполне хватит сил, чтобы вынуть из дверной ручки лом, который засунул туда этот малохольный журналистишка...* [В. Громов. Компромат для олигарха (2000)] — здесь ожидалось бы *или у него одного*, или (маловероятное, но, как мы видели, по норме XIX века также не исключаемое) *у одного его*

Аналогично, начиная с конца XIX века появляются немногочисленные примеры сочиненных групп, в которых после союза *и* употребляется назальная форма, ср. один из ранних примеров (6) — наряду с (7)–(8), демонстрирующими более старую норму¹⁴:

¹⁴ В целом в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (по состоянию на февраль 2025 года) на конструкцию вида *между X и им* имеется 145 примеров (в интервале 1810–2011), а на конструкцию вида *между X и ним* — всего 16 примеров (в интервале 1886–2010). Как можно видеть, тенденция к блокировке назальной формы после сочинительного союза продолжает устойчиво сохраняться и в современных текстах, но ее нарушения также имеются.

- (6) *И Софье Петровне открылось вдруг, что муж — ни при чем во всем этом роковом происшествии между ними; происшествие это должно было остаться тайною между нею и ним; а теперь мужу она все сама рассказала.* [Андрей Белый. Петербург (1913–1914)]
- (7) *Между нами и им лежала пропасть, которую он сам не склонен был перейти.* [В. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)]
- (8) *На сегодня я вызвал из Москвы фон Боля для того, чтобы переговорить совместно с Вуичем и им о рабочем вопросе.* [В. А. Теляковский. Дневники Директора Императорских театров (1905)]

Еще один относительно экзотический тип контекста (упоминаемый в [Hill 1977] и [Philippova 2018]) — это предложные группы, разрывающиеся противопоставительной энклитикой *же*; и в этом случае модель *мимо же них* возникает относительно рано и, как кажется, в современном языке практически полностью вытесняет старую модель *мимо же их*: ср. показательные примеры (9)–(10), воспринимаемые как нейтральные. Обе модели, однако, редки, так как конструкция с разрывом предложной группы в современном узусе в целом избегается: в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (по состоянию на февраль 2025 года) сочетания вида [предлог + *же* + *j*-] встречаются всего 8 раз (в интервале 1771–1930), сочетания вида [предлог + *же* + *n*-] — лишь немногим чаще, 13 раз (в интервале 1863–2000).

- (9) *И вот в третьей книге этого культурного журнала были напечатаны некоторые «драгоценные литературные материалы», среди же них нечто особенно драгоценное <...>* [И. А. Бунин. Из воспоминаний. Автобиографические заметки (1948)]
- (10) *Охранник в камуфляже уже на него косился. <...> Парней нигде не было видно. Мимо же него самого дважды за время поисков продефилировал милицейский наряд.* [А. Житков. Кафедра (2000)]

Появление всех этих примеров свидетельствует о том, что наблюдаемая морфосинтаксическая эволюция назальных форм более сложна и, так сказать, нелинейна. По-видимому, в их развитии можно постулировать несколько этапов. На этапе 1 («понижение») назальные формы в сочетании с предлогом теряют автономность и становятся компонентом вторичной словоформы (агломерата); при отделении от предлога употребление назальных форм в автономной позиции невозможно. Этот этап продолжается приблизительно до середины XIX в.

После этого этап 1 сменяется этапом 2 («частичное повышение»): при отделении от предлога в автономной позиции становится возможна конкуренция простой и назальной формы (такова в общих чертах и современная ситуация).

По-видимому, такой «диахронический поворот» должен объясняться тем, что на употребление назальных форм стали влиять и другие факторы, помимо дистантной/контактной позиции по отношению к предлогу. Вместо чисто морфонологического распределения стало возникать в каком-то смысле более простое грамматическое: “[T]he licensing of *n*-forms in Contemporary Russian should be conceived of in morphosyntactic rather than phonological terms” [Philippova 2018: 19].

В пределе (и это можно мыслить как гипотетический этап 3) назальная форма была бы способна распространиться вообще на все контексты косвенных падежей независимо от типа вершины, с полным устранением вариативности и утратой неназальной формы: в таком случае элемент *n* «поднимется» на морфемный уровень и станет показателем косвенной основы местоимения (повторив, тем самым, ситуацию в южнославянских языках). Конечно, сегодня мы еще очень далеки от такого сценария (и нет гарантии, что развитие пойдет именно в эту сторону), но некоторые подтверждения этой тенденции есть. Прежде всего это относительно недавняя (произошедшая в основном в течение XX века) экспансия назальных форм в зону компаративных конструкций, приведшая к нормативности сочетаний типа *лучше них* — при сохранении и старой нормы, предписывающей неназальный вариант (об этом процессе см. подробнее [Hill 1977, Иткин 2007, Philippova 2018]). Другим проявлением этой тенденции можно считать экспансию назальных форм в область производных предлогов — отыменных (*в честь него*) и отглагольных (*благодаря ему*) [Hill 1977; Сичинава 2018: 342–343; Philippova 2018]; в современном языке такие употребления практически нормативны и достаточно широко засвидетельствованы¹⁵. И хотя зона беспредложных аргументов глагола пока остается для назальных форм полностью недосягаемой, диахронический переход от чисто морфонологических к морфосинтаксическим правилам распределения назальных и неназальных алломорфов в современном языке дей-

¹⁵ Ср.: <...> Невский отложил изучение синтоизма ради айнов. За три года он записал десятки айнских текстов, многие из которых сейчас известны только **благодаря ему**, изучал быт и верования айнов. [В.М. Алпатов. Языковеды, востоковеды, историки (2012)]; Мне потом в госпитале один политрук сказал, тоже контуженый, что в Кенигсберге немецкий философ похоронен, по фамилии Кант... **В честь него**, наверное, кант у фуражки называется... [А. Геласимов. Степные боги (2008)].

ствительно происходит. Такая тенденция приводит к образованию новой морфемной единицы, показателя косвенной основы — процесс, который в работе [Lass 1990] был назван “exaptation” (ср. также более подробный анализ этой проблематики в [Norde, Van de Velde 2016]). Некоторая более далекая аналогия этого процесса (на которую указывается и в [Daniel 2015]) — возникновение «второго предложного» и «второго родительного» падежей в период XIV–XVII вв. в результате перестройки системы склонения (также повлекшей за собой семантизацию бывших алломорфов). Однако в отличие от этого последнего семантизация начального *n*- в современном русском языке пока еще лишь достаточно слабо обозначена. Как бы то ни было, употребление назальных форм в современном языке безусловно нельзя объяснять одними лишь «контактными» факторами: «морфонологическая» модель распределения алломорфов, предложенная в [Булыгина 1977], наиболее точно соответствует фактам языка XIX века (для которых наиболее подходит и трактовка сочетаний назальных форм с предлогами как вторичных словоформ), но не фактам современного языка. Хотя и для современного языка контактный фактор остается важным, существенную роль начинает играть синтаксическая зависимость местоимения от предлога сама по себе — и, вслед за предлогом, от некоторых других (пока немногочисленных) единиц, способных управлять косвенным падежом местоимений¹⁶. Таким образом, материал русских назальных форм

¹⁶ Естественный вопрос (занимавший многих исследователей этого явления) — почему экспансия назальных форм затронула, за пределами предлогов, в первую очередь именно компаративы? Ответы, которые на этот вопрос давались, обычно сводятся к тому, что компаративы наиболее похожи на предлоги по своим синтаксическим свойствам. Рассуждая на эту тему, следует помнить, что пределом экспансии назальных форм могут выступать вообще все контексты синтаксической зависимости (как в южнославянских языках), поэтому достаточным может быть и более простое объяснение: компаративы — это ближайший крупный подкласс неглагольных вершин, глагольные вершины — следующая цель экспансии. Иными словами, можно осторожно предположить, что общим у компаративов с предлогами является лишь то, что и те и другие не относятся к глаголам. Попытки найти что-то еще за пределами этой констатации выглядят, как кажется, не слишком убедительными: так, С. Хилл [Hill 1977] тратит много усилий, доказывая, что компаративы — это особый подкласс предлогов, а Т. Филиппова [Philippova 2018], аргументированно опровергая эту трактовку, взамен предлагает считать, что назальные формы всегда «лицензируются предложной вершиной (P-head)». Но, кажется, такой анализ не более предпочтителен: в нем можно увидеть логическую циркулярность и то, что иногда называют «реификацией конструкта». Действительно, те предлоги, которые назальных форм не требуют, предложной вершиной не признаются, а у компаративов, которые сочетаются с назальными формами, выделяется «нулевая предложная вершина», безотказный флогистон формального синтаксиса (естественно, что у тех компаративов, которые с назальными формами не сочетаются, нулевой предложной вершины не оказывается).

представляет чрезвычайно любопытный пример двунаправленного диахронического развития: начавшаяся морфологизация предложно-местоименных сочетаний, достигнув пика к середине XIX века, сменяется их постепенной деморфологизацией с одновременной тенденцией к семантизации алломорфического варьирования.

4. Вместо заключения

Подводя итоги, можно сказать, что понятие «вторичной словоформы» заполняет важную лакуну в инвентаре базовых единиц общей морфологии и может быть полезно и в теоретическом, и в дескриптивном плане. Вторичные словоформы, в отличие от первичных, или базовых — это не сочетания корней и аффиксов, образованные по морфологическим правилам конкретных языков. Их источник — не морфология, а дискурс: единицы этого типа возникают в результате морфологизации частотных контактных сочетаний словоформ, полностью утрачивающих автономность и превращающихся в жестко зафиксированные в составе вторичной словоформы «гранулы»; одновременно возможна идиоматизация получающихся комплексов, и в этом случае вторичные словоформы оказываются одним из средств пополнения словаря.

Даже беглый обзор позволяет убедиться, что в языках мира таких единиц очень много, и они образуют большую и неоднородную совокупность. Попытка их типологизации кажется наиболее продуктивной в диахроническом измерении — в этом случае удается выстроить шкалу морфологизации, на одном полюсе которой располагаются жесткие линейные комплексы — «агломераты», а на другом — подвергающиеся фузии «амальгамы»; утрата семантической членимости у агломератов и амальгам ведет к возникновению фоссилей — это производные единицы словаря, являющиеся вторичными словоформами только этимологически.

Список источников / References

- Апресян, Иомдин 1989/2010 — Апресян Ю.Д., Иомдин, Л.Л. Конструкция типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография // Ю.Д. Апресян (ред.). Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М.: ЯСК, 2010. С. 59–113. [Apresyan Yu.D., Iomdin, L.L. Konstruktsiya tipa *negde spat'*: sintaksis, semantika, leksikografiya [Construction of the type *negde spat'* 'there is no place to sleep': syntax, semantics, lexicography]. Yu.D. Apresyan (ed.). Teoreticheskie problemy russkogo sin-taksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya. M.: YaSK, 2010. Pp. 59–113.]

- Булыгина 1977 — Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977. [Bulygina T.V. Problemy teorii morfologicheskikh modelei [Issues in the theory of morphological models]. M.: Nauka, 1977.]
- Еськова 1989/2011 — Еськова Н.А. 1989/2011. Формальные особенности некоторых предложных сочетаний с местоименными словами // Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М.: ЯСК, 2011. С. 210–219. [Es'kova N.A. Formal'nye osobennosti nekotorykh predlozhnykh sochetanii s mestoimennymi slovami [Formal features of some prepositional combinations with pronominal words]. Izbrannye raboty po rusistike: Fonologiya. Morfonologiya. Morfologiya. Orfografiya. Leksikografiya. M.: YaSK. Pp. 210–219.]
- Зализняк 1967/2002 — Зализняк А.А. Русское именное словоизменение // Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию). М.: ЯПК, 2002. С. 1–370. [Zaliznyak A.A. Russkoe imennoe slovoizmenenie [Russian nominal inflection]. Russkoe imennoe slovoizmenenie (s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu). M.: YaRK, 2002. Pp. 1–370.]
- Зализняк 1973/2002 — Зализняк А.А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию). М.: ЯПК, 2002. С. 613–647. [Zaliznyak A.A. O ponimanii termina «padezh» v lingvisticheskikh opisaniyakh [On understanding the term “case” in linguistic descriptions]. Russkoe imennoe slovoizmenenie (s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu). M.: YaRK, 2002. Pp. 613–647.]
- Зализняк 1985/2010 — Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской // Труды по акцентологии. Том I. М.: ЯСК, 1985/2010. С. 8–430. [Zaliznyak A.A. Ot praslavyanskoj aktsentuatsii k russkoi [From Proto-Slavic to Russian accentuation]. Trudy po aktsentologii. Tom I. M.: YaSK, 1985/2010. Pp. 8–430.]
- Зализняк 1989/2010 — Зализняк А.А. Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском // Труды по акцентологии. Том I. М.: ЯСК, 1989/2010. С. 804–816. [Zaliznyak A.A. Perenos udareniya na proklitiki v starovelikorusskom [Stress shift to proclitics in Old Great Russian]. Trudy po aktsentologii. Tom I. M.: YaSK, 1989/2010. Pp. 804–816.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М.: ЯСК, 2008. [Zaliznyak A.A. Drevnerusskie enklitiki [Old Russian enclitics]. M.: YaSK, 2008.]
- Зализняк 2010 — Зализняк А.А. Ударение просодических комплексов в истории русского языка // Труды по акцентологии. Том I. М.: ЯСК, С. 817–826. [Zaliznyak A.A. Udarenie prosodicheskikh kompleksov v istorii russkogo yazyka [Stress of prosodic complexes in the history of Russian]. Trudy po aktsentologii. Tom I. M.: YaSK, Pp. 817–826.]
- Иткин 2007 — Иткин И.Б. Русская морфонология. М.: Гнозис, 2007. [Itkin I.B. Russkaya morfonologiya [Russian morphophonology]. M.: Gnozis, 2007.]
- Мельчук 1997 — Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том I. Введение; Часть первая: Слово. / Пер. с франц. Москва; Вена: Прогресс; ЯПК; Wiener Slawistischer Almanach, 1997. [Mel'chuk I.A. Kurs obshchei morfologii. Tom I. Vvedenie; Chast' pervaya: Slovo [Course of general morphology. Volume 1: Introduction; Part 1: The word]. Translated from French. Moscow; Vena: Progress; YaRK; Wiener Slawistischer Almanach, 1997.]
- Николаева 2008 — Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика («история блуждающих частиц»). М.: ЯСК, 2008. [Nikolaeva T.M. Neparadigmaticheskaya lingvistika («istoriya bluzhdayushchikh chastits») [Non-paradigmatic linguistics (“a history of wandering particles”)]. M.: YaSK, 2008.]

- Плунгян 2009 — Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику / изд. 3, испр. и доп. М.: Либроком, 2009. [Plungian V.A. Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku [General morphology: An introduction]. 3rd ed. M.: Librokom, 2009.]
- Плунгян 2021 — Плунгян В.А. Геометрия русского словоизменения: о традиционных и нетрадиционных таблицах склонения // Сборник Матице Српске за славистику 100, 2021. С. 187–203. [Plungian V.A. Geometriya russkogo slovoizmeneniya: o traditsionnykh i netraditsionnykh tablitsakh skloneniya [Geometry of Russian inflection: on traditional and non-traditional declension tables]. Zbornik Matice Srpske za slavistiku 100, 2021. Pp. 187–203.]
- Сичинава 2018 — Сичинава Д.В. Предлоги // Е.Р. Добрушина и др. (ред.). Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск III: Части речи и лексико-грамматические классы. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 329–373. [Sitchinava D.V. Predlogi [Prepositions]. E.R. Dobrushina et al. (eds.). Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka. Vypusk III: Chasti rechi i leksiko-grammaticheskie klassy. SPb.: Nestor-Istoriya, 2018. Pp. 329–373.]
- Arnon, Snider 2010 — Arnon I., Snider N. 2010. More than words: Frequency effects for multi-word phrases. *Journal of Memory and Language*. 2010. 62:1. Pp. 67–82.
- Bybee 2007 — Bybee J. *Frequency of use and the organization of language*. Cambridge: Cambridge U. Press, 2007.
- Daniel 2015 — Daniel M. Stem-initial alternation in Russian third person pronouns: variation in grammar. *Computational linguistics and intellectual technologies*. Proceedings of the “Dialogue, 2015” conference. 2015. Vol. I. Pp. 95–103.
- Haspelmath 2021 — Haspelmath M. Bound forms, welded forms, and affixes: Basic concepts for morphological comparison. *Voprosy Jazykoznanija*. 2021. 1. Pp. 7–28.
- Haspelmath 2023 — Haspelmath M. Defining the word. *Word*. 2023. 69:3. Pp. 283–297.
- Haspelmath 2024 — Haspelmath M. Four kinds of lexical items: Words, lexemes, inventorial items, and mental items. *Lexique*. 2024. 34. Pp. 71–95.
- Hill 1977 — Hill S.P. *The N-factor and Russian prepositions: their development in 11th-20th century texts* (Slavistic Printings and Reprintings 118). The Hague: Mouton, 1977.
- Lass 1990 — Lass R. How to do things with junk: exaptation in language evolution. *Journal of Linguistics* 1990. 26:1. Pp. 79–102.
- Lehmann 2020 — Lehmann Ch. Univerbation. *Folia Linguistica Historica* 2020. 41:1. Pp. 205–252.
- Mel’čuk 1993 — Mel’čuk I.A. *Cours de morphologie générale. Introduction et 1-ère partie: le mot*. Montréal: Presses de l’U. de Montréal, 1993.
- Miklosich 1875 — Miklosich F. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. 2: Stammbildungslehre*. Wien: Braumüller, 1875.
- Norde 2009 — Norde M. *Degrammaticalization*. Oxford: Oxford U. Press, 2009.
- Norde, Van de Velde 2016 — Norde M., Van de Velde F. (eds.). *Exaptation and Language Change* (Current Issues in Linguistic Theory 336). Amsterdam: Benjamins, 2016.
- Philippova 2018 — Philippova T. *Prepositional Repercussions in Russian: Pronouns, Comparatives and Ellipsis*. Doctoral dissertation, Ben-Gurion U. of the Negev, 2018.
- Wandl 2022 — Wandl F. Trapped morphology and the rise of the Slavic definite adjective inflection: a reexamination. *Folia Linguistica Historica* 2022. 43:1. Pp. 1–31.
- Zimmerling 2024 — Zimmerling A. Microsyntax meets macrosyntax: Russian *neg*-words revisited. *Russian Linguistics* 2024. 48, Art. 6.

Статья поступила в редакцию 16.12.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was received on 16.12.2024; approved after reviewing 20.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Владимир Александрович Плунгян

д.ф.н., проф., академик РАН; Институт русского языка им. В.В. Виноградова
РАН / Институт языкознания РАН

Vladimir Plungian

Prof. Dr., RAS full member; Vinogradov Russian Language Institute RAS / Institute of Linguistics RAS

plungian@iling-ran.ru